

Полицейская деятельность

Правильная ссылка на статью:

Комаров А.А. Проблема уголовно-статистической казуистики категории «преступлений экстремистской направленности» на примерах качественно-количественного анализа их показателей // Полицейская деятельность. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.2.70005 EDN: DORRFN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70005

Проблема уголовно-статистической казуистики категории «преступлений экстремистской направленности» на примерах качественно-количественного анализа их показателей

Комаров Антон Анатольевич

ORCID: 0000-0002-1330-4236

кандидат юридических наук

доцент, ФГБОУ ВО Новосибирский государственный университет экономики и управления

630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1, оф. 503

✉ reise83@mail.ru

[Статья из рубрики "Полиция и проблемы противодействия терроризму и экстремизму"](#)

DOI:

10.7256/2454-0692.2024.2.70005

EDN:

DORRFN

Дата направления статьи в редакцию:

29-02-2024

Аннотация: Предмет исследования составляют отдельные статистические показатели преступлений экстремистской направленности в их взаимосвязи с формальным определением перечня таковых деяний в российском законодательстве. Особое внимание уделено различным подходам к объяснению феномена экстремизма науками отличными от криминологии; содержанию уголовно-правовых признаков рассматриваемого феномена; анализу места экстремистских преступлений в структуре современной российской преступности; проблеме формирования объективной уголовной статистики в силу принятия новелл административного и уголовного законодательства; вопросам регистрационной дисциплины данной группы преступных посягательств и латентности противоправных деяний. Целью представленной работы является выдвижение и проверка гипотезы о наличии конкретных статистически-значимых

зависимостей в регистрации феномена криминального экстремизма и анализа влияния полноты получаемых таким образом данных на выводы криминологической науки.

Методологически в своих теоретических суждениях мы опирались на всеобщий метод диалектического материализма. Частные же методики состояли в использовании методов статистической группировки данных, корреляционного анализа. Научная новизна проведённой работы состоит в том, что мы объяснили причины (истoki) использования уголовно-статистического подхода в формулировании законодателем определения экстремизма (экстремистской деятельности) в 2002 году. Путём анализа различных подходов к пониманию экстремизма со стороны иных наук определили несостоятельность иных формулировок понятия. С диалектико-материалистической точки зрения выдвинули гипотезу о принадлежности криминального экстремизма исключительно к политической преступности. Указали на ограниченный объём регистрируемых преступлений с точки зрения «закона больших чисел», как один из основных прикладных недостатков, возникающих при анализе показателей в современных криминологических исследованиях. Обосновали отсутствие линейной корреляционной зависимости между «преюдициальными» административными правонарушениями и соответствующими экстремистскими составами преступлений, указав, однако на то, что связь состояний меж ними сохраняется на трёх анализируемых этапах. Указали в выводах на ключевые проблемы формирования современной уголовной статистики в части формирования наших объективных представлений о состоянии феномена криминального экстремизма.

Ключевые слова:

Криминология, Уголовный закон, Статистика, Экстремизм, преступления экстремистской направленности, политическая преступность, уровень преступности, степень латентности, динамика экстремизма, структура экстремизма

Введение.

В современной криминологической науке актуальность сформулированной нами темы обусловлена неполной соотносимостью наличной статистической информации пониманию феномена криминального экстремизма. Из-за чего не может быть полноценно реализована даже первоначальная функция любого криминологического исследования – описательная. Большинство криминологов до сих пор вынуждены делать оговорки относительно содержания понятия «экстремизм» в начале исследования. В конечном счёте это влияет не только на теоретические представления о границах данного феномена, но и на вполне прикладные задачи – способы и приёмы формирования статистики, так необходимые в фиксации состояния экстремизма в российском обществе на конкретном временном промежутке. Охарактеризовать параметры такого влияния и есть наша основная задача.

Все существующие работы по вопросу можно разделить на две группы: сугубо криминологические и комплексные. В первых можно найти гораздо больше информации по вопросам приложения уголовной статистики. К наиболее известным работам в этой области относят труды И. С. Ильина (докт., 2023), П. А. Кабанова (докт., 2008), А. Т. Сиоридзе (канд., 2007). Вторые, как правило, совмещены с уголовно-правовыми аспектами и лишь указывают на содержание проблемы: А. В. Петрянин (докт., 2015), С. Н. Фридинский (докт., 2011), А. В. Павлинов (докт., 2008), А. В. Ростокинский (докт., 2008), С. В. Борисов (докт., 2012), Б. А. Мыльников (канд., 2005), Р. М. Узденов (канд., 2008), Р. О. Кочергин (канд., 2008).

Работы в области уголовного права в наших целях менее интересны. Но они позволяют определить уголовно-правовые признаки, используемые в уголовной статистике. Поэтому стоит отметить заслуги Ю. С. Магнутова (канд., 2022), З. М. Бешуковой (канд., 2011), Д. И. Леньшина (канд., 2011), В. В. Ревинной (канд., 2010), Д. Н. Саркисова (канд., 2010), Е. П. Сергуна (канд., 2009), А.Г. Хлебушкина (канд., 2007).

Таким образом, исходя из степени исследованности заявленной темы, мы приходим к выводу о недостаточности её осмысления в криминологической науке.

В методологическом плане наше исследование опирается на всеобщий метод диалектического материализма, что позволяет довольно точно соотнести базисные и надстроечные общественные отношения таким образом, чтобы присовокупить статистический массив преступлений экстремистской направленности к политической преступности.

В рамках использования иных общенаучных методов путём сравнительного анализа и синтеза понятий нам удалось выделить сущностные признаки криминального экстремизма, сопоставимого с имеющейся уголовной статистикой.

Частные выводы нам бы не удалось построить без применения статистических и математических методов: сводки данных официальной статистики, группировки их количественных значений по интересующим нас признакам; расчёта средних значений, удельного веса и прочих показателей преступности.

Структурно наша работа построена на трёх тезисах, которым посвящены три самостоятельных параграфа. В четвёртом подведены итоги.

1. Влияние научной терминологии на сводимость динамических рядов.

В части определения основных и дополнительных показателей состояния современного российского экстремизма необходимо сделать оговорку о некой его терминологической неопределённости в научной литературе. Отдельные авторы диссертационных работ приходят к выводу, что рассматриваемый термин – междисциплинарная категория [\[1, с. 221\]](#), относимая одновременно к области политологии, педагогики, социологии, юриспруденции. С точки зрения криминологии все эти области знания важны в части понимания феномена экстремизма и данные там определения требуют к себе внимания при анализе сосредоточенных в них признаков. Только в области педагогики С. В. Вешкин в своей диссертационной работе выделяет девять самостоятельных (пересекающихся, но не совпадающих) понятий. Общий контекст педагогических исследований базируется на достижениях психологической науки, в которой фиксируются отдельные личностные деформации носителей экстремистской идеологии: нетолерантность, нонконформизм, гипертрофированную идентичность с определёнными ценностными ориентациями.

Не отстаёт в этом отношении и социологическая наука, а зачастую и превосходит в количестве изысканий на заданную тему. По мнению И. В. Гребенщикова, «экстремистский дискурс» в рамках отечественной политической социологии обозначился ещё в 1974 году [\[2, с. 23\]](#). Причём со временем работы по изучению инструментального характера экстремизма как способа воздействия на социальные структуры [\[3\]](#) смещаются в сторону исследования ценностных ориентаций социальных агентов. К настоящему моменту социологические исследования разбиваются на две большие категории: генезис экстремизма, исходя из состояния общественных отношений

в современном российском социуме; и аспекты социальной трансформации, спровоцированные им.

В первом случае специфическая направленность подобных изысканий позволяет обособить политический, религиозный и даже информационный [\[4, с. 7-9\]](#) экстремизм в отдельные феномены.

Во втором случае экстремизм рассматривается в качестве социального процесса. Социальный процесс представляет из себя инструмент приспособления индивидов к изменяющимся внешним обстоятельствам. Е. О. Кубякин в докторской диссертации распространяет идеи не только о качестве функционального действия экстремизма на социальные структуры, но и определяет его как формы новых коммуникативных практик в молодёжной среде [\[5, с. 17\]](#). И тогда в неюридическом контексте подлежат обследованию не только реальные микросоциальные группы, объединённые экстремистской идеологией, но и «виртуальные» (сетевые) сообщества, распространяющие информацию экстремистского характера.

В итоге ценность социологического подхода к осмыслению проблемы экстремизма в современном российском обществе и качественных его признаков состоит в том, что оно обращает пристальное внимание на содержание ценностных ориентаций социальных агентов, а не только методов их взаимодействия (*борьбы – прим. наше*) с социальными институтами. Изучая их ценности, мы более адекватно начинаем представлять термин «экстремистская идеология». Исследуя методы борьбы – сам термин «экстремизм». А касаясь социальных структур, лучше понимаем правовой термин «экстремистское сообщество». Зачастую социологическая наука подсказывает вполне верные и содержательные рецепты сущностного наполнения отдельных юридических терминов.

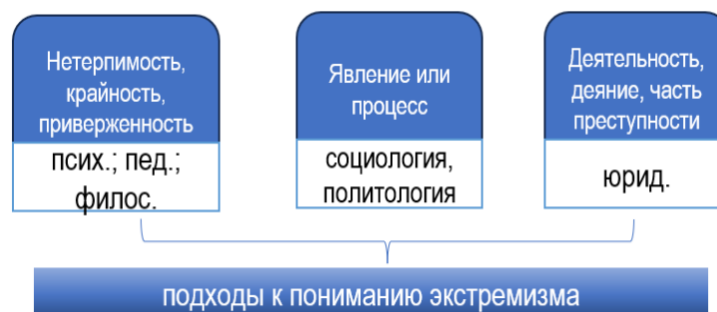

Рис.1. Понятийная схема.

Криминологическая наука исходит в своих изысканиях из этих социологических посылок. Но, являясь частью юриспруденции, она ограничена рамками (понятиями) закона, что социологами при изучении экстремизма считается неверной методологической посылкой. В социологии принято считать, что термины и определения, предложенные законодателем, не раскрывают его сущность и социальную природу. Но хотелось бы заметить, что именно уголовно-правовой признак данного общественно-негативного феномена позволяет определить конкретные формы его социального контроля. С криминологической точки зрения, сама приверженность ценностным идеалам экстремизма, обличённая лишь в форму бездействия не образует криминального феномена. Исходя из этих посылок придётся признать, что экстремизм действительно комплексный феномен, имеющий не только криминальное выражение. А посему и предмет нашего исследования несравнимо уже дискурса экстремизма в российском обществе в целом. Рассматривая его как феномен криминальный, мы не можем обойтись

без юридических условностей в его определении, которые дальше постараемся очертить наиболее ясно. К примеру такого рода, когда термины «политический мотив преступления» и «экстремистский мотив» в уголовном праве начинают отождествляться [\[6, с. 17\]](#). Поэтому дальнейший синтез юридических и социологических представлений выливается в нетривиальную, но необходимую задачу, которая ещё не в полной мере решена.

Возможно, на этом основании законодатель более двадцати лет назад прибег к наиболее простому способу уголовно-статистического определения данного феномена. Этот способ позволяет описать его содержание через перечень статей уголовного закона. Такое указание в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» вроде бы имеется. Однако, при более тщательном рассмотрении окажется, что лишь некоторые из них терминологически совпадают с названиями или содержанием диспозиций конкретных статей Уголовного кодекса. Посему чётко определить группу экстремистских преступлений на основании только этого закона не представляется возможным.

В самом же УК РФ законодатель для указания на экстремистский характер деяний прямо отмечает мотивационный критерий в примечании к ст. 2821 УК РФ. Но поскольку он одновременно служит и обстоятельством, отягчающим наказание, то возможность его применения к отдельным статьям Особенной части довольно обширна. Комментируя сложившееся положение дел, Пленум ВС РФ в Постановлении №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», указывает на конкретные 18 составов в 10 статьях ныне действующего Кодекса.

Однако с точки зрения современной уголовной статистики и этого окажется недостаточным. Отметим совместное Указание Генпрокуратуры России №401/11, МВД России №2 от 19.06.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчётности», которым устанавливаются правила отнесения совершённых деяний к нужной строчке статистического учёта. Здесь они разделяются на 3 категории: преступления относимые к экстремистским без каких-либо дополнительных оснований – 16 статей; преступления относимые по моменту их совершения в зависимости от вступления в силу или утраты оной уголовным законом – 15 составов (в 13 статьях); и преступления относимые с дополнительными условиями к нашей категории – 28 статей (имеется ввиду мотивационный критерий в качестве квалифицирующего признака или эффект расширенного воспроизводства преступности).

Получается с каждой новой ступенью наших суждений о возможности уголовно-статистического определения количество деяний, подпадающих под искомый мотивационный критерий всё увеличивается.

Усложняет «статистическую картину» и ратифицированная нами Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму (2017 г.). Ведь она определяет правовые границы данного феномена не только по линии уголовно-правового запрета, но и учитывает административные правонарушения в качестве его составляющей. После смягчения в 2018 году уголовной ответственности путём установления административной преюдиции мы ощутили значительное сокращение объёма экстремистских преступлений в уголовной статистике. Сегодня полное суждение о реальных криминологически значимых показателях экстремизма в России становится возможным дать только присовокупив к тому ещё не менее пяти статей КоАП. Они характеризуют поведение отдельных индивидов как необходимое и доприступное.

Но позволяет ли и это в полной мере определить границы нашего криминального феномена?

Целый ряд авторов в уголовно-правовой литературе делает акцент на однородности правоохраняемого объекта преступлений экстремистской направленности, понимая под ним основы конституционного строя [\[6, 7, 8\]](#). Действительно, закреплённые в первых шестнадцати статьях Конституции принципы государственного устройства способны послужить объективными границами правоохраняемого объекта. Специфическая «объектность» экстремистских составов даёт основание предположить, что мы сможем выделить целую совокупность общественных отношений, с которой связаны данные преступления причинно-следственными связями. В литературе XX века обычно имело место указание на политическую сферу – область борьбы за государственную власть. Однако есть точка зрения в правовой науке, которая не сводит объект экстремистских посягательств сугубо к ней. Такая позиция основывается на анализе положения норм об уголовной ответственности за проявления экстремизма в структуре Особенной части. И здесь стоит согласиться с тем, что отдельного местоположения преступлениям экстремисткой направленности не нашлось. Но стоит ли рассматривать непосредственные объекты отдельных преступных посягательств как показатель того, что экстремизм – совершенно разнородное явление? Отнюдь.

Другая позиция ориентируется на его социологическое деление на виды (формы): политический, национальный, религиозный, экологический, экономический и даже в отдельных случаях – лично-бытовой. Здесь помимо размывания уже существовавшего общего определения и нечёткости вновь предлагаемых частных, возникает реальная опасность, что понятие экстремизм начнёт сливаться с любым видом нетерпимости по отношению к противоположной точке зрения. И в итоге мы начнём применять уголовную ответственность за инакомыслие, а не реальные действия. Полагаем, что современная религия, национальное сознание являются надстроечными элементами культуры буржуазного общества. Как бы выразился Э. Дюркгейм, они становятся политическими инструментами примирения и согласия, которые в условиях глобализации перестают работать локально, перерождаясь в новые извращённые формы общественного сознания – экономический, экологический экстремизм. А он в любом своём воплощении имеет идеологическую основу. Та же религия, расовое и национальное самосознание – всего лишь идеология, имеющая в своей основе материальный признак, которому в экстремистском ключе придаются искажённые, гипертрофированные смыслы самоидентификации общности. Всё это следствия политического характера организации общественных отношений, осуществляемых по принципу: разделяй и властвуй. Создание видимости конкурентной борьбы на политической арене в облике противоборства меньшинств, мало способных в реальности повлиять на экономическую и политическую обстановку в стране. Сущность подобных воззрений в теоретическом плане наиболее полно, как нам кажется, осветил американский криминолог Стивен Шафер (S. Schafer, 1974) [\[9\]](#).

Все преступления экстремистской направленности так или иначе происходят в политической сфере, поскольку конечной целью их является преобразование общественных отношений, санкционированных государственной властью. По нашему убеждению, всё это свидетельствует о том, что группа преступлений экстремисткой направленности является составной частью политической преступности.

Меж тем не все криминологи разделяют указанную нами идею, выделяя в структуре политической преступности только политический экстремизм. В диссертационной работе

П. А. Кабанова в качестве существенных признаков самой политической преступности выделяются её субъектный состав (политические функционеры) и уголовно-правовой признак (основанный на запрете не только национального, но и международного уголовного права) [\[10, с. 20\]](#). При этом стоило бы обратить внимание, что в определении политической преступности указанного автора отсутствуют указания на специфический мотив, по которому обычно и выделяют данный вид преступности. В нашем случае стоит учесть, что сам мотив с точки зрения развития механизма индивидуального преступного поведения во времени и психической рефлексии политического преступника над происходящим немислим без целеполагания. Поэтому у П. А. Кабанова вполне обоснованно в определении политического экстремизма мотив замещается конкретными политическими целями, которые преследуют экстремисты (политические функционеры). Но здесь в определение добавляется ещё и насильственный способ совершения преступлений. Получается, что экстремизм пересекается сразу с двумя видами преступности: политической и насильственной. Возможно, автор тяготеет к правовому определению экстремизма, где терроризм предстаёт крайней формой экстремизма. А насильственный способ совершения экстремистских преступлений значительно приближает по внешнему выражению экстремизм к террористической деятельности. Но позднее законодатель пытался выделить её из экстремистской путём принятия и введения в действие Федерального закона «О противодействии терроризму». Однако многие юристы и криминологи до сих пор считают, что это явление одного порядка, основываясь на трактовке понятийного аппарата первоначальной редакции ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В результате этих пертурбаций мы получили новую строчку статистического учёта в уголовной статистике («преступления террористического характера»). И её мы вынуждены учитывать при анализе показателей преступлений экстремистской направленности. Признав терроризм за одну из опаснейших форм экстремизма, мы тем самым автоматически поставим вопрос о соотносимости их учитываемых объёмов в уголовной статистике. Криминологический интерес это вызывает хотя бы потому, что число регистрируемых фактов преступлений террористического характера превышает регистрируемый криминальный экстремизм на любых временных промежутках (для примера в 2023 г. – 2 382 событий против 1 340 за тот же период).

Эти же законодательные изменения привели к тому, что из перечня экстремистских и террористических деяний в уголовной статистике исчезает ст. 207 УК «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма». В результате чего объёмы регистрируемого терроризма уменьшились кратно всего лишь за 2006 год с 5 438 до 1 787 деяний. Нужно отметить, что и сегодня объёмы данного преступления велики – порядка 22 649 фактов по состоянию на 2022 год. Таким образом, только это «проявление хулиганства» в своих объёмах перекрывает совокупные показатели экстремизма и терроризма вместе взятых. Исключение подобного состава из уголовной статистики вполне закономерно, поскольку он характеризуется скорее хулиганскими личностными мотивами, нежели политическими.

Теперь становится очевидным, что теоретические попытки переосмысления содержания данного понятия с последующим закреплением его в праве, довольно сильно отражаются и на уголовной статистике, без анализа которой невозможно криминологическое исследование её действительного состояния. Такая подвижность понятийной конструкции требует совершенно иных, т. е. более сложных и изощрённых приёмов группировки для понимания основных и дополнительных показателей политической преступности.

К сожалению, представители иных наук (не криминологи), приводя регистрируемые

показатели в качестве аргументов своей научной гипотезы, просто упускают многие аспекты, о которых мы писали выше. В их представлении терминологическая несообразность норм закона никак не соотносится с движением динамических рядов данных. Хотя такая зависимость очевидна. Далее попытаемся проиллюстрировать это на конкретных примерах.

2. Ограниченный объём регистрируемых преступлений с точки зрения «закона больших чисел».

Одной из характерных черт современной уголовной статистики преступлений экстремистской направленности является ограниченный объём регистрируемых деяний. В среднегодовом выражении последние 20 лет регистрируется порядка 804 преступлений экстремистской направленности. А совершается за тот же отчётный период и того меньше. Не лучше обстоит дело и в части регистрации преступлений террористического характера, которые в своём объёме всегда и на любом историческом периоде превосходят количество менее тяжких деяний экстремистской направленности. С позиции «закона больших чисел» нескольких сотен фактов недостаточно для статистического анализа. Тогда любое случайное отклонение (флуктуация) в их регистрации приведёт к сильным искажениям. Здесь вполне уместно выдвинуть предположение об отсутствии признака массовости в основе данного криминального явления. И оно закономерно ведёт к отрицанию возможности его изучения в рамках криминологии. Это возражение является одним из ключевых аргументов для криминологов, желающих объединить экстремизм и терроризм для увеличения объёма исследуемого предмета до статистически значимых величин. Однако, показатели терроризма сегодня в уголовной статистике также невелики. Это мы можем проследить на графике, представленном на рисунке №1. «Движение объёмов».

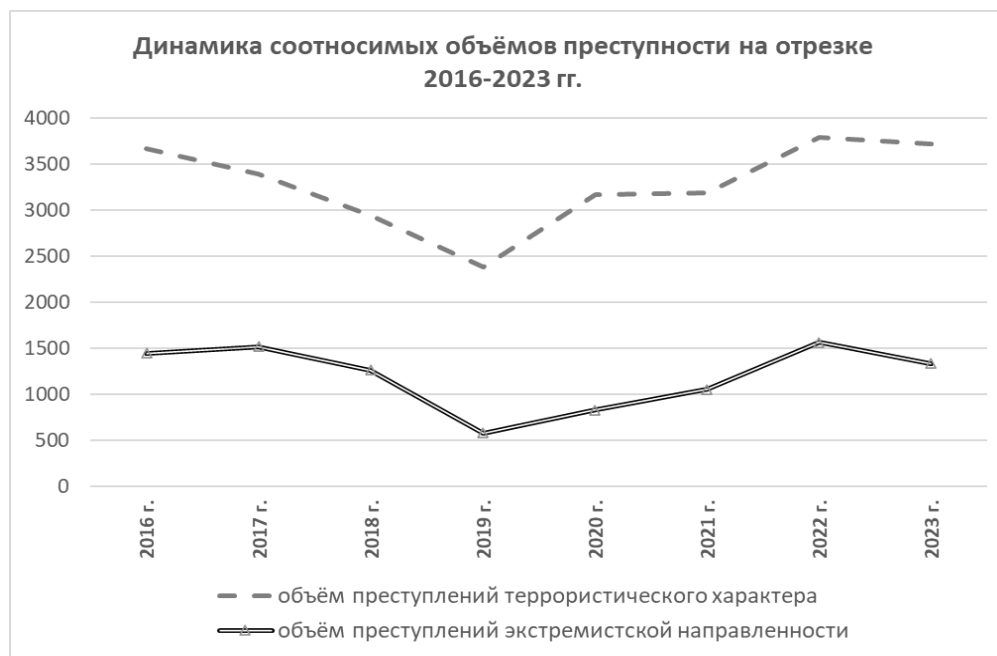

Рис.2. Движение объёмов.

Справедливости ради необходимо обратиться к административной составляющей экстремизма, поскольку преюдиция сегодня вносит существенную лепту в снижение регистрируемых объёмов преступлений. По статье 20.3.1 КоАП, в первую очередь корреспондирующей ст. 282 УК, фиксируется за последние четыре года четырёхкратный прирост – с 400 случаев до 1,6 тыс. административных правонарушений. Среди иных составов необходимо выделить ст.ст. 20.29, 20.3 КоАП, где числа регистрируемых

административных правонарушений исчисляются тысячами. Остальные правонарушения по своему удельному весу значительно уступают приведённым составам, с той оговоркой, что в последние два года появились новеллы законодательства, по которым сейчас активно формируется правоприменительная практика.

Табл. 1. Тенденции объёмов экстремистских админ. правонарушений.

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
ст. 20.28 КоАП	18	27	6	179	25	4	2
ст. 20.29 КоАП	1 925	2 097	2 268	1 836	2 160	1 526	991
ст. 20.3 КоАП	2 121	2 063	2 080	2 974	2 890	4 225	4 933
ст. 20.3.1 КоАП				476	917	1 118	1 620
ст. 20.3.3 КоАП							5 442
ст. 20.3.2 КоАП и ст. 20.3.4 КоАП							74
Итого:	4 064	4 187	4 354	5 465	5 992	6 873	13 062
Среднее за период:	4 202			6 110			13 062

Анализ средних значений числа дел об административных правонарушениях в таблице №1 показывает, что состояние экстремизма сильно зависит от законодательных инициатив. Путём группировки по количественному признаку удалось отчётливо выявить три самостоятельных периода. В первом из них (2016-2018 годов) среднее значение административных правонарушений колебалось вокруг отметки в 4 тыс.

Сразу после смягчения уголовной репрессии по экстремистским составам УК РФ в 2018 году начинается перераспределение статистической совокупности в пользу административных правонарушений. В результате последующие три года среднегодовой объём дел об административных правонарушениях составляет 6,1 тыс., выказывая прирост на треть по отношению к предыдущему периоду. В то же время число преступлений за один только 2019 год снижается в 2,2 раза. Отрицательные темпы прироста преступных деяний экстремистской направленности связаны в первую очередь с «накопительным эффектом» преюдиции, которая отсутствовала у большинства экстремистов сразу же после внесённых в КоАП и УК изменений. С увеличением числа лиц, подвергнутых административной ответственности в последующие годы увязана и сама возможность дальнейшего их привлечения по ст. 2801 и 282 УК РФ, что закономерно отразилось на состоянии уголовной статистики. Однако уже в 2020 году начал наблюдаться «восстановительный рост» экстремистских преступлений.

И последний третий этап связан с принятием норм об административной ответственности за дискредитацию использования вооружённых сил в марте 2022 года. В результате количество регистрируемых «фактов преюдициального экстремизма» по отношению к базисному 2016 году выросло в три раза.

Корреляционный анализ исходных данных за этот же период показывает наличие слабой положительной связи между преступлениями и административными правонарушениями (коэффициент +0,23 по Пирсону). Очевидно, что линейной зависимости между этими переменными не складывается. Одновременно с этим полученный положительный коэффициент позволяет констатировать и отсутствие обратной линейной зависимости, которая однозначно бы подтвердила нашу гипотезу. Но при этом, простейший графический анализ переменных, изображённых для удобства восприятия на рисунке №

З «Административный и криминальный экстремизм», указывает на наличие определённой обратно пропорциональной связи между двумя регистрируемыми показателями. На периоде до 2019 года соблюдалось строгое соотношение преступлений к административным правонарушениям, которое складывалось как 1:3. Но после оно существенным образом меняется. Появляется большая волатильность этой пропорции (7-9 по предельным значениям отдельных годов). А среднее значение за четыре последних года составляет 1:8. В любом случае, такое различие уже является статистически значимым и может свидетельствовать о действительном перераспределении статистической совокупности в пользу административных правонарушений в плане их официального учёта.

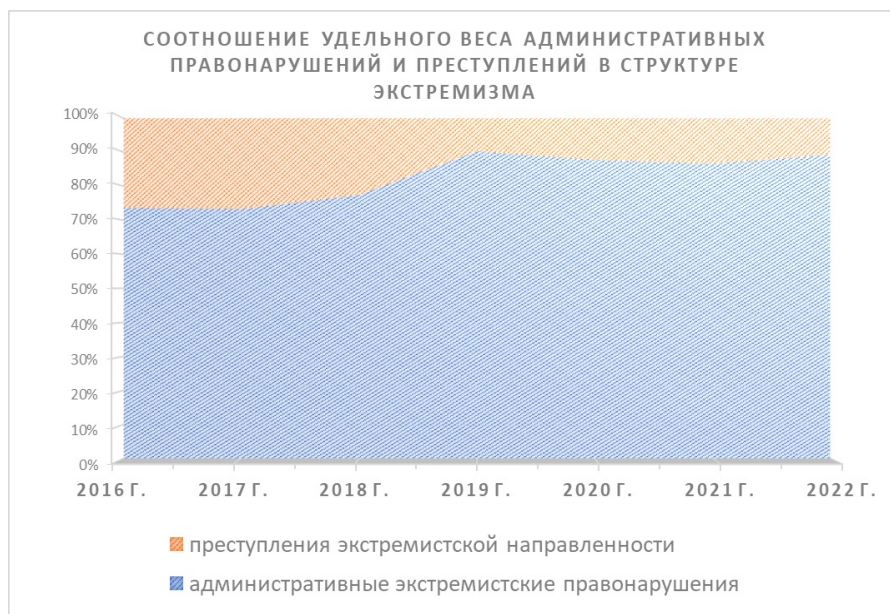

Рис. 3. Административный и криминальный экстремизм.

В статистическом выражении наше конечное умозаключение о регистрируемых объёмах деяний состоит в том, что административные правонарушения являются неотъемлемой строкой статического учёта при анализе состояния ряда преступлений экстремисткой направленности, предусматривающих административную преюдицию в диспозициях своих статей. А лица, привлечённые к административной ответственности, составляют потенциальный резерв политической преступности на будущее, ежели частная превенция не окажет на их поведение должного воздействия.

3. Регистрационная дисциплина и вопрос латентности преступлений экстремисткой направленности.

Ещё одна из проблем формирования сводной статистической отчётности состоит в том, что практически ежегодно деяний экстремистской направленности регистрируется раза в 3 больше нежели фактически совершается за тот же отчётный период. Для примера приведём такие сведения: в 2022 году зарегистрировано 1566 фактов, а совершено только 735 деяний; в 2021 году, соответственно: 1057 и 355 преступлений; в 2020 – 833 и 299 событий. Если в отношении всей преступности регистрационная дисциплина складывается таким образом, что в новом отчётном периоде регистрируется порядка 17,64% преступлений прошлых лет, то в отношении преступлений экстремистской направленности удельный вес аналогичных деяний [преступлений, совершённых не в текущем отчётном периоде, а в предыдущих] составляет 63,54%. Отдельными исключениями из этого правила выступают резонансные диверсионные акты и новеллы уголовного закона «о дискредитации», 96% которых зарегистрировано в текущем

отчётном периоде.

В пресс-релизы и официальные сообщения, как правило, просачивается информация о деяниях, зарегистрированных вне зависимости от времени их совершения. В большинстве диссертационных работ и научных статей оперируют при доказательстве своих гипотез именно этими данными. Их проще выделить из массива уголовной статистики, находящейся в открытом доступе. Тем самым, формируется неверное представление о состоянии преступности у общественности. Фактически с новой остротой поднимается вопрос о статистически значимых объёмах преступлений экстремистской направленности в целях математического анализа. Полагаем, что подобная ситуация отчасти может быть обусловлена сложностью квалификации отдельных экстремистских деяний.

Одной из основных причин такого положения дел с регистрацией и учётом преступлений экстремистской направленности является их специфичная структура, когда на публичные высказывания и призывы (и ныне дискредитацию) приходится наибольший удельный вес (имеются ввиду ст.ст. 280, 280.1, 282 УК РФ). Данные составы по своей конструкции сформулированы как формальные. Поэтому момент их окончания теснейшим образом привязан к самому событию распространения сообщений (информации), а не к моменту обнаружения их сотрудниками правоохранительных органов. С учётом расширения современных способов распространения экстремистских взглядов и материалов посредством Интернет можно прийти к выводу о том, что документальному анализу зачастую подвергаются «сообщения из прошлого». А сама практика выявления оперативно-розыскными частями таких материалов и сообщений страдает сезонностью, поскольку постоянный мониторинг налажен недостаточно хорошо.

Возникает определённая сложность и на первоначальных этапах расследования, что существенным образом затягивает сроки принятия решения о возбуждении уголовного дела и возможность отнесения в уголовной статистике его к категории экстремистских. Зачастую такое процессуальное решение обусловлено необходимостью проведения лингвистической экспертизы высказывания или письменных материалов. Несмотря на то, что УПК РФ устанавливает предельно сжатые сроки (15 суток) для проведения экспертизы, эксперт в случае затруднения может их продлить ещё на такой же срок. На практике получается, что следователь не всегда успевает даже в предельно установленные УПК сроки возбудить уголовное дело и дать предварительную квалификацию деянию [\[11\]](#). И экстремистское преступление регистрируется в уголовной статистике с некоторым запозданием.

Благодаря этому складывается и развивается пограничная латентность преступлений экстремистской направленности. Так по замечанию начальника Управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействию экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры РФ, Ю. П. Хохлова только в 8 субъектах Российской Федерации уровень полноты регистрации данного явления отвечал высокому качеству [\[12\]](#). Получается, что остальные 79 регионов не добирают даже до показателя в 80% числа зарегистрированных фактов преступлений от реально выявленных деяний.

Проблемой в таком случае выступит и трудность разграничения меж собой группового хулиганства (ч. 2 ст. 213 УК), мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП) и специфически мотивированного (п. «б», ч.1. ст. 213 УК) [\[13, с. 34\]](#). Как замечают отдельные авторы, во многих случаях хулиганство трудно разграничить с иными экстремистскими

преступлениями, если смотреть только на характер совершаемых действий [\[14, с.21\]](#). А ведущий мотив, подлежащий установлению по уголовному делу не всегда возможно достаточно точно определить, поскольку посягательство на общественный порядок в целом и отдельные его (конституционно-идеологические) стороны сложно размежевать. Таким образом часть экстремистских преступлений неизбежно попадает в категорию «хулиганство». И, наоборот, возникает опасность того, что отдельные хулиганские проявления необоснованно будут признаны экстремистскими.

Ещё одним дополнительным суждением, качественно уточняющим статистическую картину экстремизма, является вопрос естественной латентности данного вида преступлений. Здесь следовало бы обратить внимание на ряд диссертационных работ последних лет, поскольку именно в них можно встретить выборочные исследования по интересующему нас вопросу. По оценке Б. А. Мыльникова соотношение выявленных и зарегистрированных преступлений экстремистской направленности по отношению к их неизвестной, скрытой от уголовной статистики части составляет 1:100. Но к таким значениям степени латентности нужно относиться с осторожностью. На что указывает и сам автор в диссертации, сомневаясь в удачности проведённого экспертного опроса [\[15\]](#). В иных работах и вовсе отсутствует эмпирический характер заявлений об искомой нами степени. Вместо чего констатируется её высокая оценка без конкретных количественных выражений этого значения [\[16, 6, 17\]](#).

В возможности обобщения мнений 185 сотрудников правоохранительных органов по данному вопросу сомневается и Р. О. Кочергин, сопоставляя их с респондентами молодёжного возраста, которые дают оценку регистрационной дисциплины в объёме 10-30% от числа совершённых деяний [\[18\]](#). Тут стоит пристальное внимание уделить как разбросу приводимых респондентами ответов, так и качеству самой выборки. С одной стороны, такая совокупность мнений позволяет присвоить экстремистским преступлениям как среднюю, так и высокую степень латентности одновременно. Что не является удовлетворительным ответом. С другой стороны, большинство из 195 опрошенных студентов юридических ВУЗов (в т.ч. ведомственных – МВД), явно не относится к среде правонарушителей-экстремистов, способных сообщить уточняющих сведений об имевших место естественно латентных деяниях.

Отдельного внимания в этом отношении заслуживает докторская работа А. В. Петрянина, который указывает (как и многие другие авторы до него) на высокую степень латентности преступлений экстремистской направленности, изучив при этом 325 «отказных материалов» в возбуждении уголовного дела [\[19, с. 37-38\]](#). Однако и здесь приходится сделать оговорку методологического плана, поскольку автор при анализе данных документов исходит в первую очередь из необходимости анализа правоприменительной практики. А статистического сопоставления с уже реально возбуждёнными уголовными делами не делает. Кроме того, данные материалы были собраны в различных регионах. Являясь плюсом в части исследования разности правоприменительной практики, это одновременно представляется минусом в плане однородности статистической выборки.

Утверждая в последней своей (уже докторской) работе, идею о высокой степени латентности преступлений экстремистской направленности, С.Н. Фридинский также напрямую не даёт количественных оценок предлагаемого показателя [\[20, с.31\]](#). Меж тем отчётливо прослеживается стремление автора указать на преобладающий вклад естественной составляющей. Довольно подробно описываются причины такого положения дел в уголовной статистике. В совокупности же попытки исследовать лишь

качественную сторону механизма образования латентности и неудачные попытки организовать выборочные исследования указывают на то, что с методологической точки зрения в криминологии всё ещё идёт поиск наилучших анкетных методик. При этом нет указания на попытки реализации экспертных матриц в части оценивания полученных результатов опроса, что несколько обедняет полученные сведения. Сказывается на результате и ограниченная возможность использования методики виктимологических опросов, поскольку во многих случаях, экстремистские преступления – это так называемые «преступления без жертв».

Поэтому, несмотря на многочисленные высказывания о высокой степени латентности преступлений экстремистской направленности, данный тезис в криминологической науке не может считаться надлежащим образом доказанным.

В качестве антитезы можно привести криминологические изыскания И. С. Ильина в области протестно-демонстративной преступности, которая во многом перемежается с более общим феноменом криминального экстремизма. По оценке этого автора, основанной как раз-таки на экспертной матрице, рассматриваемая им преступность имеет относительно низкий уровень латентности [\[21, с.120\]](#).

Обобщение приведённых гипотез позволяет нам предположить её среднюю степень (в предельных границах – 1:5) для преступлений экстремистской направленности. Данная гипотеза покоится на том основании, что степень общественной опасности экстремистских преступлений ниже террористических. Хотя бы с точки зрения закона. В силу этого обстоятельства к данной группе преступлений применимо общее правило, когда резонансность преступления влияет на его регистрируемость. В некотором смысле наше утверждение подкрепляется и статистической развёрткой частоты встречаемости административных правонарушений, которых кратно больше преступлений.

4. Заключительные положения.

Подводя итоги нашего исследования, хотелось бы сделать несколько самостоятельных выводов относительно заявленной проблемы:

а). Анализируя содержательное наполнение определений в различных областях наук, мы приходим к выводу, что синтез юридических и социологических представлений до сих пор представляет из себя нетривиальную задачу. С криминологической точки зрения это отразилось в использовании уголовно-статистического подхода, как единственно возможного способа объяснения феномена экстремизма в законе. При этом приходится признать, что криминальный экстремизм – часть научного дискурса с более широкими полями и границами. Это позволяет воспринимать его как социальный процесс, а не самостоятельное явление.

б). В современной уголовной статистике основными критериями выделения отдельной строки статистического учёта преступлений экстремистской направленности служит мотивационный критерий. В меньшей степени для статистической группировки может послужить специфическая «объектность» таких преступлений. Следует сделать специальную оговорку о преюдициальном характере большей части экстремистских преступлений, что позволяет рассматривать совокупность административных правонарушений как связную статистическую общность. А лица, привлечённые к административной ответственности, составляют потенциальный резерв политической преступности на будущее, ежели частная превенция не окажет на них должного воздействия.

Обследуя более полно мотивационный критерий в теоретическом плане, мы склонны отнести преступления экстремистской направленности к политической преступности. Несмотря на то, что наукой выделяются и иные виды экстремизма.

в). Ограниченный объём регистрируемых деяний является основным методологическим недостатком при изучении криминального экстремизма. Обычно регистрируется в 3 раза больше деяний чем реально совершается в тот же отчётный период.

Путём группировки экстремистских деяний по количественному признаку их регистрируемых объёмов удалось выделить 3 самостоятельных периода в развитии данного феномена, которые сложились под влиянием изменений административного и уголовного законодательства.

г). Ключевыми проблемами формирования современной уголовной статистики преступлений экстремистской направленности являются: сложность квалификации подобных деяний; трудности возникающие у следователей на первоначальных этапах расследования; нарушения регистрационной дисциплины с точки зрения прокурорского надзора.

Подобное положение дел указывает на высокую составляющую пограничной латентности. Степень латентности не удалось достоверно установить ни в одном из современных криминологических исследований. В большинстве работ указывается, зачастую без эмпирических обоснований, на её высокую степень. Мы склонны считать, что преступления экстремистской направленности обладают средней степенью латентности в предельных её границах.

Библиография

1. Вешкин С. В. Профилактика межэтнического экстремизма студенческой молодёжи в процесс обучения в ВУЗе: дисс. ... канд. пед. наук. – Майкоп, 2023. – С. 22.
2. Гребенщиков И. В. Влияние государства на развитие дискурса об экстремизме: дисс... канд. соц. наук. – СПб, 2019. – 257 с.
3. Романов Н. А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны: диссертация ... докт. соц. наук. – Москва, 1997. – 394 с.
4. Упорников Р. В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. – 25 с.
5. Кубякин Е.О. Молодёжный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: автореф. дисс. ... докт. соц. наук. – Краснодар, 2012. – 52 с.
6. Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 25 с.
7. Ростокинский А. В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы автореф. дисс... докт. юрид. наук. – Москва, 2008. – 49 с.
8. Магнутов Ю. С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности (ст. 2821 и ст. 2822 УК РФ): теория, техника, практика: дисс... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2022. – 384 с.
9. Schafer S. The political criminal: The problem of molality and crime. – New York: Free Press, 1974. – 192 p.
10. Кабанов П. А. Политическая преступность: понятие сущность, виды, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): автореф. дисс. докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 61 с.
11. Журбенко А. М., Симоненко Е. И. Особенности возбуждения уголовного дела по

- делам, связанным с осуществлением экстремистской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2017. – Т. 21. – № 6(75). – С. 235-240.
12. «Предупреждение межнациональных конфликтов – стратегически важная задача государства» (интервью с начальником управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры Российской Федерации Ю. П. Хохловым) // Прокурор. – 2014. – №1. – С. 42-47.
13. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: автореф. дисс... докт. юрид. наук. – Москва, 2012. – 46 с.
14. Ревина В. В. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. – 25 с.
15. Мыльников Б. А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспект: дисс...канд. юр. наук. – Москва, 2005. – 177 с.
16. Никитин А. Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. – 23 с.
17. Узденов Р. М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – 29 с.
18. Кочергин Р. О. Противодействие молодёжному экстремизму: правовые и криминологические проблемы: автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Ростов-на-дону, 2008. – 26 с.
19. Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: автореф. дисс... докт. юрид. наук. – Москва, 2011. – 56 с.
20. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дисс... докт. юрид. наук. – Москва, 2011. – 43 с.
21. Ильин И. С. Теоретические основы криминологического анализа и предупреждения демонстративно-протестной преступности: дисс... докт. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2023. – 489 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема уголовно-статистической казуистики категории «преступлений экстремистской направленности» на примерах качественно-количественного анализа их показателей. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "В части определения основных и дополнительных показателей состояния современного российского экстремизма необходимо сделать оговорку о некой его терминологической неопределённости в научной литературе, вообще. В конечном счёте это влияет не только на теоретические представления о границах данного феномена, но и на вполне прикладные задачи – способы и приёмы формирования статистики, так необходимые в фиксации состояния

экстремизма в российском обществе на конкретном временном промежутке. Отдельные авторы диссертационных работ приходят к выводу о том, что рассматриваемый нами термин и вовсе – междисциплинарная категория [1, с. 22], относимая одновременно к области политологии, педагогики, социологии, юриспруденции". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений ученого: "Все преступления экстремистской направленности так или иначе происходят в политической сфере, поскольку конечной целью их является преобразование общественных отношений, санкционированных государственной властью. По нашему убеждению, всё это свидетельствует о том, что группа преступлений экстремистской направленности является составной частью политической преступности"; "Теперь становится очевидным, что теоретические попытки переосмысления содержания данного понятия с последующим закреплением его в праве, довольно сильно отражаются и на правовой статистике, без анализа которой невозможно криминологическое исследование её действительного состояния. Такая подвижность понятийной конструкции требует совершенно иных, более сложных и изощрённых приёмов группировки уголовной статистики для понимания основных и дополнительных показателей политической преступности"; "В статистическом выражении наше конечное умозаключение о регистрируемых объёмах деяний состоит в том, что административные правонарушения являются неотъемлемой строкой статического учёта при анализе состояния ряда преступлений экстремистской направленности, предусматривающих административную преюдицию в диспозициях своих статей. Следовательно, лица, привлечённые к административной ответственности, составляют потенциальный резерв политической преступности на будущее, ежели частная превенция не окажет на их поведение должного воздействия"; "несмотря на многочисленные высказывания о высокой степени латентности преступлений экстремистской направленности, данный тезис в криминологической науке не может считаться надлежащим образом доказанным. С учётом родственности преступлений террористического характера, обладающих низкой степенью латентности, мы склонны предположить её среднюю степень (в предельных границах – 1:5) для преступлений экстремистской направленности" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы не вполне логична в том смысле, что вводная часть статьи как таковая отсутствует (ее невозможно четко отделить от основной части). Основная часть работы разбита на несколько разделов: "1. Влияние научной терминологии на сводимость динамических рядов"; "2. Ограниченный объём регистрируемых преступлений с точки зрения «закона больших чисел»; "3. Регистрационная дисциплина и вопрос латентности преступлений экстремистской направленности". В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Общий контекст педагогических исследований базируется без сомнения на достижениях психологической науки, в которой фиксируются отдельные личностные деформации носителей экстремистской идеологии: нетолерантность, нонконформизм, гипертрофированную идентичность с определёнными ценностными ориентациями" - "Общий контекст педагогических исследований базируется, без сомнения, на достижениях психологической науки, в которой фиксируются отдельные личностные деформации носителей экстремистской идеологии: нетолерантность,

нонконформизм, гипертрофированная идентичность с определёнными ценностными ориентациями".

Ученый отмечает: "Во втором случае экстремизм иногда рассматривается в качестве социального процесса, а не явления, как такового" - во втором случае запятая не нужна.

Автор указывает: "Экстремизм в рамках отечественной политической социологии, как дискурс, обозначился по мнению И. В. Гребенщикова ещё в 1974 году [2, с. 23]" - "Экстремизм как дискурс в рамках отечественной политической социологии обозначился, по мнению И. В. Гребенщикова, ещё в 1974 году [2, с. 23]".

Ученый пишет: "Причём со временем работы по изучению инструментального характера экстремизма как способа воздействия на социальные структуры [3], смещаются в сторону исследования ценностных ориентаций социальных агентов" - запятая является лишней.

Автор отмечает: "Возможно, на этом основании законодатель более двадцати лет назад законодатель прибег к давно известной и наиболее простой формуле уголовно-статистического подхода в определении данного феномена" - повторяется существительное "законодатель".

Таким образом, статья нуждается в тщательном вычитывании - в ней встречаются множественные опечатки, повторы, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 20 источниками (диссертационными работами, монографией, научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой. Работа выполнена на достаточно высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (П.А. Кабанов, А. Г. Никитин, Р. М. Узденов, А. В. Петрянин и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно; положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами и рисунками.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("а). Анализируя содержательное наполнение определений, данных различными областями наук, мы приходим к выводу что синтез юридических и социологических представлений (в частности), а также ряда иных наук до сих пор представляет из себя нетривиальную задачу. С криминологической точки зрения это отразилось в использовании уголовно-статистического подхода, как единственно возможного принципа объяснения феномена экстремизма. При всём этом приходится признать, что криминальный экстремизм, являющийся предметом нашего исследования, состоит частью экстремизма, как научного дискурса. А его понимание настолько широко, что он не всегда и не везде выступает самостоятельным социальным явлением.

б). В современной уголовной статистике основными критериями выделения отдельной строки статистического учёта преступлений экстремистской направленности служит мотивационный критерий и возможно в меньшей степени специфическая «объектность» данной группы преступлений. Следует сделать специальную оговорку о преюдициальном характере большей части экстремистских преступлений, что позволяет рассматривать совокупность административных правонарушений как связную статистическую общность. Следовательно, лица, привлечённые к административной ответственности, составляют потенциальный резерв политической преступности на будущее, ежели частная превенция не окажет на них должного воздействия. Обследуя более полно мотивационный критерий в теоретическом плане, мы склонны отнести преступления

экстремистской направленности к политической преступности несмотря на то, что наукой выделяются и иные виды экстремизма.

в). Ограниченный объём регистрируемых деяний является основным методологическим недостатком при изучении криминального экстремизма. Обычно регистрируется в 3 раза больше деяний чем реально совершается в тот же отчётный период. Путём группировки экстремистских деяний по количественному признаку их регистрируемых объёмов удалось выделить 3 самостоятельных периода в развитии данного явления, которые сложились под влиянием изменений административного и уголовного законодательства.

г). Ключевыми проблемами формирования современной уголовной статистики преступлений экстремистской направленности являются: сложность квалификации подобных деяний; трудности возникающие у следователей на первоначальных этапах расследования; а также нарушения регистрационной дисциплины с точки зрения прокурорского надзора. Подобное положение дел ведёт к наличию высокой составляющей пограничной латентности, степень которой не удалось достоверно установить ни в одном из современных криминологических исследований. Несмотря на то, что в большинстве работ указывается, зачастую без эмпирических обоснований, на её высокую степень. Мы склонны считать, что преступления экстремистской направленности обладают средней степенью латентности в предельных её значениях"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, уголовного процесса, криминологии, уголовной статистики при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), уточнении структуры работы, устранении нарушений в оформлении статьи (опечаток и ошибок в тексте).

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Проблема уголовно-статистической казуистики категории «преступлений экстремистской направленности» на примерах качественно-количественного анализа их показателей» предметом исследования является юридическое понятие «экстремизм» и его законодательное закрепление. Автор пытается обосновать, что уголовно-статистический подход является единственно возможным способом объяснения феномена экстремизма в законе.

Методология исследования. В ходе написания статьи использовались современные методы исследования: общенаучные и частные. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, статистический, исторический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный, правового моделирования, а также, можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения.

Актуальность исследования. Актуальность темы статьи не вызывает сомнения. Автор верно аргументирует значимость заявленной им тематики: «В современной криминологической науке актуальность сформулированной нами темы обусловлена неполной соотносимостью наличной статистической информации пониманию феномена криминального экстремизма. Из-за чего не может быть полноценно реализована даже

первоначальная функция любого криминологического исследования – описательная. Большинство криминологов до сих пор вынуждены делать оговорки относительно содержания понятия «экстремизм» в начале исследования. В конечном счёте это влияет не только на теоретические представления о границах данного феномена, но и на вполне прикладные задачи – способы и приёмы формирования статистики, так необходимые в фиксации состояния экстремизма в российском обществе на конкретном временном промежутке». В действительности, неоднозначность и противоречивость правовых норм и их официального толкования требует дополнительных доктринальных разработок по данной проблематике с целью совершенствования законодательства и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье тоже сформулированы некоторые заслуживающие внимания положения, которые имеют характер научной новизны, например: «...Анализируя содержательное наполнение определений в различных областях наук, мы приходим к выводу, что синтез юридических и социологических представлений до сих пор представляет из себя нетривиальную задачу. С криминологической точки зрения это отразилось в использовании уголовно-статистического подхода, как единственно возможного способа объяснения феномена экстремизма в законе. При этом приходится признать, что криминальный экстремизм – часть научного дискурса с более широкими полями и границами. Это позволяет воспринимать его как социальный процесс, а не самостоятельное явление». В статье содержатся и другие положения, которые характеризуются как научная новизна. В целом данное исследование, отличающееся научной новизной, представляет собой определенный вклад в современную юриспруденцию.

Стиль, структура, содержание. В целом статья написана научным стилем с использованием специальной терминологии, хотя автор допускает и просторечие (например: «ежели»). Содержание статьи соответствует ее названию. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Вместе с тем есть опечатки, пропуски слов в предложениях (например: «...только 8 субъектах...»). Соблюдены требования по объему статьи. Теоретические положения проиллюстрированы рисунками и таблицами, что улучшает восприятие материала. Статья не только логически структурирована, но и формально разделена на части. В качестве замечания можно отметить, что заключение (как часть статьи) не следует нумеровать.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье присутствует научная полемика, позиция самого автора статьи по спорным вопросам аргументируется. Все обращения к оппонентам корректные.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Проблема уголовно-статистической казуистики категории «преступлений экстремистской направленности» может быть рекомендована к опубликованию, поскольку отвечает требованиям, предъявляемым к научным статьям журнала «Полицейская деятельность». Публикация по данной теме может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области криминологии и уголовного права, а также, может быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.